

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 99-105. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 99-105. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821(410.1)09«16»

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-99-105>

ИТАЛЬЯНСКИЕ ТРАКТАТЫ О ЛИТЕРАТУРЕ КАК ОБРАЗЕЦ СТИЛЯ ДЛЯ АНГЛИЙСКОЙ СВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЭПОХИ РАННЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Вышенская Юлия Павловна, кандидат филологических наук, РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, clemence_isaure@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2870-3026>

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с процессами формирования стиля произведений английской художественной словесности XVI века. Стиль интерпретируется как некий представитель целого в частном, чем обуславливается принадлежность художественного произведения к определённому типу культуры. В рамках толкования подобного рода феномен стиля рассматривается как часть глобального контекста изменений, претерпеваемых культурой европейского Ренессанса. В статье отождествляются понятия культуры и словесности, одного из основных интеллектуальных занятий представителей гуманитарного мышления, которые в рассматриваемый период времени отличает необычайный ранее подъём. Понимание культуры анализируемого временного периода как общения культур даёт возможность проследить пути художественного преобразования представлений об особенностях стилистического построения литературного произведения на материале творческого наследия представителя елизаветинской культуры, Ф. Сидни, на формирование индивидуальности и стиля которого во многом оказывает влияние итальянская гуманистическая мысль.

Ключевые слова: гуманистическое мышление, подражание, разнообразие, Ренессанс, стиль

Для цитирования: Вышенская Ю.П. Итальянские трактаты о литературе как образец стиля для английской светской литературы эпохи раннего Возрождения // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 99-105. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-99-105>

Research Article

ITALIAN TREATIES ON LITERATURE AS THE STYLE MODEL FOR ENGLISH SECULAR EARLY RENAISSANCE LITERATURE

Yuliya P. Vyshenskaya, Candidate of Philological Sciences, Herzen State Pedagogic University, St.-Petersburg, Russia, clemence_isaure@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2870-3026>

Abstract. The article deals with the matter of the English belles-lettres style of the 16th century. The style phenomenon is interpreted as some representative of the whole in particular. The fact in turn makes condition of interpreting the work of literature as belonging to some type of culture. Within the scope of the interpretation of the kind the style phenomenon is considered within the scope of the global context of changes which took place in European Renaissance. The notions of culture and literature are identified, the latter is believed to be one of the principle sphere of intellectual activity of the representatives of the humanistic thought devoted their time. The kind is marked by an outstanding rise during the analysed period of time. Perceiving the analysed time period culture as one of the cultures' communication gives an opportunity to trace the ways of artistic transforming of the ideas about particular features of stylistic construction of a piece of literature. The study is based on the material of the creative heritage of Philip Sidney, the salient representative of the Elizabethan culture, whose individuality and style were under the influence of Italian humanistic thought.

Keywords: humanistic thought, imitation, Renaissance, style, variety

For citation: Vyshenskaya Yu.P. Italian treaties on literature as the style model for English secular early Renaissance literature. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 99-105 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-99-105>

Цель художественного творческого процесса, иными словами, воздействие на реципиента, «обратной связью влияет на весь... процесс создания стилистически оформленного предмета и его функционирования» [Борев: 76]. Стиль, «генный набор» данной культуры, представитель целого в частном, обуславливает принадлежность художественного произведения к определённому типу культуры [Борев: 77].

Подобное понимание позволяет выявить особенности формирования стиля произведения словесно-художественного творчества на фоне своеобразия гуманистического философствования, изучение которого отождествляется с изучением исторической мысли как «истории культурного сознания», иными словами, смещением фокуса исследовательского внимания в сторону принципиальных изменений культуры Ренессанса [Баткин 1978: 8].

«Жадность к словесности» (*aviditas litterarum*), присущая представителям гуманитарного мышления, обусловлена, как пишет Г. Веронезе, тем, что «занятия словесностью научают наилучшим основам благой жизни» (цит. по: [Баткин 1978: 75]).

Особенности, присущие тому или иному типу культуры, закрепляются в предложенном Л.М. Баткиным термине «ключевое слово», уподобляемое мировоззрению, соизмеримому «в конечном счёте, с целым историческим миром» [Баткин: 68].

Ключевым словом для культуры Возрождения является слово *varietà* (*diversità*) («разнообразие»), «сгущённый ренессансный стиль мышления», в объёме значения которого отражается общение культур как основа культуры Ренессанса, присущий ей дух, связанный вещественностью, стилистикой слова, оригинальность творческого процесса Ренессанса [Баткин: 69].

Понятие *varietà* наряду с «незаурядной эрудированностью в гуманитарной словесности и знаниями “многих и разных вещей”», обретаемыми в результате учёных занятий, включено в перечень качеств гуманиста, представленный в трактате Б. Кастильоне (цит. по: [Баткин, 1990: 73]). Слово изобилие, используемое в оригинале, раскрывается в значении «красноречие», что в гуманистическом толковании предполагает «богатую артикулируемость и мерность целого» [Баткин 1990: 74].

В качестве аналога понятия *varietà* в английском Ренессансе выделяется понятие *decorum*, многозначность которого допускает трактовку уместности, что, как пишет Дж. Бакстон, включает все аспекты проявления стиля в самом широком смысле этого слова [Vuxton: 52].

Применительно к стилю произведения словесно-художественного творчества *decorum* означает соответствие стиля сути вопроса или речи в пьесе или романе персонажу, стилю поэмы событию, по поводу которого она написана, или персоне, которой она адресована.

Понятие *varietà* непосредственно связано также с вопросом соотношения индивидуального и общего в художественном стиле, особо ценимых в эпоху Ренессанса характеристик и в области красноречия соответствует понятию, обозначаемому термином *imitatio* (подражание). Процесс *imitatio* предполагает обращение автора и читателя гуманиста к риторическому знанию, унаследованному со времён античности, особенность которого заключается в «овладении умением превращать то, что всем известно, в новое и неизвестное» [Баткин: 53].

К проблеме учёбы у латинских классиков обращаются многие выдающиеся умы эпохи, о сущности её для латиноязычного Возрождения свидетельствует дискуссия о подражании, развернувшаяся в 90-е годы XV века между А. Полициано и П. Кортеше, предметом которой стал вопрос о выборе в процессе подражания. Согласно позиции, занимаемой А. Полициано, современный писатель «должен выражать самого себя, а не Цицерона», что предполагает наличие у индивидуального стиля таких качеств, как «спонтанность и органичность», достигаемых в результате ознакомления и овладения разными памятниками классических авторов, «накопления знаний, расширения эрудиции и упорных занятий» [Степанова: 46; ср.: Сидни: 201].

П. Кортеше, выразитель принципиально иной позиции, утверждает, что «подражание являет собой закон природы», а автору надлежит «ориентироваться на самый лучший, а потому единственный образец», аргументируя это тем, что в противном случае стиль в результате подражания многим «превратится в лавку старьевщика» [Степанова: 47].

Понимание *varietà* в собственно языковом отношении близко позиции П. Кортеше, поскольку подразумевает овладение признанными античными образцами и не требует от придворного (поэта) проявления индивидуальности.

Восприимчивником итальянских *studia humanitatis* на Британских островах стал Ф. Сидни, воплощение идеального гуманиста, выдающегося елизаветинца, поэта и общественного деятеля. Разносторонность и широта интересов Ф. Сидни во многом определяет его причастность к созданию института покровительства на Британских островах, что оказывает влияние на особенность связанной с *varietà* проблемы подражания, своеобразии присущей ей формы и путей решения.

В творческой поэтической среде *imitatio* принимает форму стремления к подражанию классическим образцам, в среде представителей английской знати – в стремлении следовать примеру античных предшественников в оказании поэтам покровительства и поддержки.

Специфика творческого подражания в Англии заключается в том, что стиль произведений Ф. Сидни, покровителя-нобиля, становится эталоном сти-

ля для елизаветинской поэзии, формирующегося под влиянием идей и творческих методов итальянских философов и поэтов, излагаемых в известных трактатах.

Одну из особенностей стиля Ф. Сидни, ставшего образцовым, составляет насмешливая эlegantность, мягкая ирония, которой поэт отдаёт предпочтение в «*Apologie for Poetru*» и которая в дальнейшем проникает в стиль английской поэзии.

Благодаря эрудированности и одарённости Ф. Сидни спектр английских стилистических приёмов обогащается заимствованными из французской и итальянской поэзии сложными эпитетами, мелодичностью звучания поэтической речи, классическими метрами, разнообразными метрическими формами [Buxton: 111].

Ценность упоминаемого трактата «*Apologie for Poetru*» заключается в том, что это первое произведение, относящееся к жанру критики на национальном языке, в котором переосмысливаются идеи и методы, заимствованные из трудов итальянских гуманистов Ю.Ц. Скалигера, А. Минтурно и Л. Кастельветро. Непринуждённое мастерство изложения превращает трактат в художественное произведение, а его стиль – эталон для подражания [Muir: 18].

В стиле трактата, как и прочих произведений Ф. Сидни, находит отражение особый стиль жизни, срез ренессансной культуры. Украшения речи являют собой органичную часть поэзии, придают ей стилистическую утончённость, превращая стихотворные произведения в прекрасные, искусно сделанные предметы [Rudenstein: 57].

Проблема подражания является одной из принципиально важных для «*Apologie for Poetru*» Ф. Сидни и демонстрирует применение отмеченных выше переосмысления и присвоения его античного смысла.

В рамках оригинальной трактовки процесс создания художественного произведения предстаёт как подражание природе [Аристотель: 23].

Свой взгляд на проблему подражания и других вопросов ренессансной поэтики Ф. Сидни излагает со свойственным ему изяществом рафинированного вельможи, эрудита, искусённого в университетских научных прениях и светских беседах:

«onely the Poet, disdayning to be tied to any such subiection, lifted vp with the vigor of his owne inuention, dooth growe in effect, another nature, in making things either better then Nature bringeth forth, or quite a newe formes such as neuer were in Nature ... not inclosed within the narrow warrant of her guifts, but freely ranging onely within the Zodiack of his owne wit. ... Poesie therefore is an arte of imitation, for so Aristotle termeth it in this word Mimesis, that is to say, a representing, counterfetting, or figuring foorth: to speake metaphorically, a speaking picture: with this end, to teach and delight...» [«*Apologie for Poetry*»]

(«Лишь поэт, презирающий путы любого рабства, воспаряет на своем вымысле, создает, в сущ-

ности, другую природу. Он создает то, что или лучше порожденного Природой, или никогда не существовало в Природе... Так он идет рука об руку с Природой, не ограниченный ее дарами, но вольно странствующий в зодиаке своего воображения... Поэзия – искусство подражания, оттого Аристотель называет её *mimesis*, то есть воспроизведение, преобразование, или метонимически – говорящая картина, цель которой учить и доставлять удовольствие») [Защита Поэзии: 153–155].

В создании художественного произведения, второй природы, Поэт уподобляется Творцу. Он совершенно свободен в своих действиях, что подчёркивается использованием метафор, объединяемых общим значением свободы, издревле ассоциируемой с полётом, небом: *disdaining to be tied to any subiection, lifted vp with the vigor of his owne inuention, he goes hand in hand with Nature*.

В изобилии украшений речи примечательна метафора «*freely ranginig only with Zodiack of his owne wit*», которая может быть интерпретирована и как уподобление Поэта-творца алхимику, поскольку процесс творения являет собой некое колдовство, вызывая к реальности несуществующие миры, способные заставить человека испытывать разного рода переживания, связанные, в частности, и с удовольствием, основным предназначением поэзии.

Метафорическое определение поэзии как «говорящей картины» возникает на основе объединения античного, представленного у Аристотеля, и гуманистического понимания *imitatio* [Аристотель: 23], существующего во множестве интерпретаций, объединяемых связью с ключевым словом *varietà*.

В период Возрождения под влиянием действия принципа *varietà* понимание природы и подражания ей меняется. В рамках гуманистического мышления миры природы и культуры образуют принципиально иную комбинацию, объединяемые связями иного характера. Природа, «первозданное и неотёсанное творение» Всевышнего передаётся в руки человека, который придаёт ему совершенную форму. Процесс (ср. известное изречение Микеланджело) обретения законченности форм предполагает выявление, высвобождение заложенных в природе качеств, присущих человеческой культуре: «формирующая её разумная воля, предназначение к человеческому познанию (*ad usus hominum*), красота упорядоченности (*ornamenta*), замыкает перечень разнообразие (*varietà*), изобилие которого рассматривается как лучший аргумент внутренне-го искусства природы» [Баткин: 89].

Сочетание понятий *imitation* и *varietà* у Б. Кастильоне даёт возможность уподобления мира, места обитания человека, картине живописца, главное достоинство которой заключается в разнообразии, «так что тот, кто может ей [природе] подражать, достоин большей хвалы, к этому нельзя прийти без знания многих вещей, как хорошо известно тому, кто эти занимался (цит. по: [Баткин: 74]).

Иной аспект интерпретационного спектра, также связанного с понятием *varietà*, заключается в вопросе соотношения живописи и поэзии, о сопоставлении поэта и живописца, что обусловлено широтой интересов и занятий гуманистов.

В итальянской любовной поэзии, как отмечает Ф.Г. Робинсон, существовала давняя традиция изображения картины и науки любовного видения в *trattate d'amore*. Так, Дж. Фракасторо пишет, что поэт подобно художнику не желает изображать человека таким, каковым он является в действительности, тем не менее по созерцанию универсальной и необычайно прекрасной идеи изображает вещи такими, какими они должны быть (цит. по: [Robinson: 107]).

Возможно, метафора *speaking picture* появляется как реплика уже известному в то время тезису Горация *ut pictura poesis*, применяемому для обоих видов искусств.

Взгляды Ф. Сидни о поэтических картинах, как известно, получили практически немедленную поддержку в среде поэтов [Robinson: 99–100].

Примечательно созвучие смысла, вкладываемого поэтом в толкование подражания, современным взглядам о назначении произведения искусства, в том числе и словесно-художественного творчества, о воздействии на эмоциональное состояние реципиента.

Подобные взгляды предвосхищают современные точки зрения о единстве искусств со стилиевой организацией, вопрос, которому посвящены труды отечественной классической научной мысли.

Тема нераздельности поэзии с прочими видами искусства неоднократно возникает в трактате в различных метафорических обличьях:

«So among the Romans were Lilius, Andronicus, and Ennius. So in the Italian language, the first that made it aspire to be a Treasure-house of Science, were the Poets Dante, Boccace, and Petrarch. So in our English were Gower and Chawcer. After whom, encouraged and delighted with theyr excellent foregoing, others haue followed, to beautifie our mother tongue, as wel in the same kinde as in other Arts» (курсив мой. – Ю. В.) [«Apologie for Poetry»].

(«У римлян были Ливий Андроник и Энний. Поэты Данте, Боккаччо и Петрарка первыми возвысили итальянский язык, превратив его в сокровищницу науки.

В Англии были Гауэр и Чосер, и за ними, восхищенные и воодушевленные несравненными предшественниками, последовали другие, украшая наш родной язык как в этом, так и в других искусствах») [Защита Поэзии: 147].

В данном пассаже вопрос об украшениях речи представлен как рассуждения об использовании стилистических ресурсов, заложенных в родном языке, возможно, как реакция поэта на суждения, излагаемые в трактатах знаменитых итальянцев, среди которых П. Бембо.

При этом аргументы поэта вновь облекаются в форму изысканных метафор *Treasure-house of Science*, что придает его доводам большую убедительность, стилю – утонченность, превращая произведение в целом в источник интеллектуально-эстетического удовольствия.

Экскурс в историю риторической мысли сконструирован на основе использования синтаксического стилистического приёма повтора, представленного параллельными конструкциями, дублируемыми расстановкой на анафорические позиции *So*. Обращение к этому виду приёма увеличивает эмоциональность атмосферы пассажа, придает ей торжественность и возвышенность, усиливаемые использованием инверсии обстоятельства.

Принцип античной риторики о соразмерности и пропорциональности находит отражение в отношении Ф. Сидни к родному английскому языку. Позиция, занимаемая поэтом, во многом сходна с позицией итальянских интеллектуалов, в частности Триссино, последователя Данте, в стремлении использовать национальные языковые источники, в отличие от П. Бембо и его сторонников, позиция которых заключалась в стремлении установить тосканский диалект Фр. Петрарки и Дж. Боккаччо как классический и грамотный [Buxton: 129–130].

Требования и взгляды елизаветинцев на английскую поэзию формировались в рамках европейской традиции. Взгляды Данте были приняты и переосмыслены в рамках нового стиля мышления *varietà*.

Ф. Сидни разделяет прогрессивные взгляды о способности английского языка к выражению самых сложных оттенков чувств, вызывать удовольствие у читателя:

«To beatifie our mother tongue, as wel in some kinde as in other Arts».

Оригинальное преломление проблемы подражания получает в поэтическом наследии Ф. Сидни, что демонстрирует справедливость наблюдения И.Ю. Подгаецкой о том, что «для ренессансных деятелей поэзия включает и её теорию, а теория поэзии сама по себе строится как теоретическое произведение» [Подгаецкая: 316]. Стилистическая программа, изложенная Ф. Сидни в трактате «Apologie for Poetry» находит применение в цикле сонетов «Astrophel and Stella». Тексты сонетов предоставляют интересный материал для анализа вторичного переосмысления положений трактатов итальянских гуманистов, подвергнувшихся присвоению в «Apologie for Poetry».

«Astrophel and Stella» появляется в результате занятий Ф. Сидни словесностью, в стиле которого в полной мере находит отражение *varietà* придворной жизни елизаветинской эпохи: церемонность и обращение к куртуазным ценностям, гармония, изысканность и остроумие в использовании фигур речи. Подобное разделение являет собой неизбежное следствие вопроса о стиле, а также прозаиче-

ского содержания риторики Ф. Сидни, его рифмы, концепция формы, изысканность и гармоничность, разговорная манера, что присуще стилю елизаветинского придворного. Формируясь в ренессансной культурной среде, стиль произведения многое заимствует у стилистического образца, представленного в сонетах Фр. Петрарки.

В том находит отражение эволюционное развитие художественного стиля, крепнущая в лирике тенденция к поглощению стилей и моделей, которые до того были ограничены другими видами или жанрами, сосуществуя в сонетах Ф. Сидни [Rudenstein: 180].

Сонет I являет собой художественную реплику упоминаемому спору о проблеме *imitatio*, миниатюру трактата «*Apologie for Poetry*» и одновременно иллюстрацию взглядов поэта, изложенных в нём:

«Ouing in trueth, and fayne in verse my loue to show,
That she, deare Shee, might take som pleasure of my paine,
Pleasure might cause her reade, reading might make her know,
Knowledge might pittie winne, and pity grace obtaine,
I sought fit wordes to paint the blackest face of woe;
Studying inuentions fine, her wits to entertaine,
Oft turning others leaues, to see if thence would flow
Some fresh and fruitfull showers vpon my sun-burnd brain.
But words came halting forth, wanting Inuentions stay;
Inuention, Natures childe, fledde step-dame Studies blowes;
And others feet still seemde but strangers in my way.
Thus, great with childe to speak, and helplesse in my throwes,
Biting my trewand pen, beating myselfe for spite,
Fool, said my Muse to me, looke in thy heart, and write.»

*Astrophel and Stella*¹

(«Пыл искренней любви я мнил излить стихом, / Чтоб милую развлечь изображеньем бед – / Пускай прочтет, поймет и сжалится потом, / 4 И милость явит мне за жалостью вослед. / Чужие книги я листал за томом том: / Быть может, я мечтал, какой-нибудь поэт, / Мне песнями кропя, как благостным дождем, / 8 Спаленный солнцем мозг, подскажет путь... Но / нет! / Мой слог, увы, хромал, от Выдумки далек, / Над Выдумкою бич учения навис, / Постылы были мне сплетенья чуждых строк, / И в муках родовых перо я тщетно грыз, / Не зная, где слова, что вправду хороши... / 14 “Глупец! – был Музы глас. – Глянь в сердце и / пиши”»); перевод В. Рогова) [Астрофил и Стелла: 7].

В тексте сонета угадываются взгляды поэта, изложенные в трактате «*Apologie for Poetry*», относительно стилистического эталона. Так, обращаясь к образцам Фр. Петрарки, Астрофил предпринимает своего рода критику этого образца, стилистическое совершенство которого являет источник вдохновения, достичь которого поэт не в состоянии.

Открывающие сонет строки повествуют о решимости Астрофила поведать возлюбленной Стелле о терзаниях, вызванных глубоким чувством, с целью доставить ей удовольствие (*entertaine*).

Выбор подобного художественного решения обусловлен следованием совету Аристотеля, по-

скольку поэтическое изображение «ужасного тоже доставляет удовольствие» [Защита Поэзии: 174].

Первые четыре строчки являют собой череду оксюморонов: «*take some pleasure of my paine, knowledge might pettie winne, and pity grace obtaine*».

Примечательна синтаксическая конструкция этой части сонета, в основу которой положен принцип «нанизывания», также описанный в трактате Аристотеля. Тем не менее повторение структурной модели не создаёт эффекта монотонности, скорее возникает обратный эффект, особый ритм, что достигается использованием другого стилистического приёма – анадиплосиса, использования завершающего каждый отдельный смысловой блок слова (как вариант, его составляющей) в качестве открывающего в каждом последующем блоке: *reade – rerading, know – knowledge, pittie – pity*.

Общий ритм усиливается использованием приёма аллитерации антонимичных обозначений чувств и понятий: *pleasure – paine*.

Особое место в общем ритмическом рисунке сонета занимает повтор образов. Поэт неоднократно подчёркивает своё желание доставить удовольствие своей возлюбленной Стелле, поведать ей о терзаемых его душевных муках: «*might take som pleasure of my paine, I sought fit wordes to paint the blackest face of woe*».

Проблема подражания представлена как стремление Астрофила обрести вдохновение, искомое под влиянием заблуждения, как и идей для подражания у собратьев по перу, в созданных ими произведениях: «*Studying inuentions fine*».

Книги (очевидно, поэтические сборники) метафорически представлены в виде некоего сосуда с питательной влагой, обладающей способностью дать пищу иссушённому бесплодными стараниями мозгу поэта: «*Some flow fresh and fruitful showers vpon my sunne-burne'd braine*».

Вдохновение, искомое Поэтом, уподобляется *showers*, ассоциируемому с благотворной прохладой, что подчёркивается в эпитете *fresh*, но одновременно и символу изобилия, что находит отражение в парном аллитерирующем с ним эпитете «*fruitful*». Таким образом, смысл фигурной пары «*fresh and fruitful*» раскрывается в способности вернуть подобно живительной воде выжженному солнцем мозгу утраченную способность к созиданию.

Поиски Астрофила оборачиваются неудачей, поскольку слова не складываются в рифмы, напротив, «*came halting forth (идут, хромая)*».

Чужие мысли не только не помогают Поэту обрести вдохновение, но превращаются в препятствие для рождения собственных:

«*And others' feele still seem'd but strangers in my way*».

Осознав тщетность попыток обрести в чужих идеях и образцах вдохновение, без которого созидание невозможно, Поэт обращается к природе (*Nature*). В том видится иной пример аллю-

живной петли к идеям Аристотеля, подхваченным в трактатах итальянских гуманистов и собственным размышлениям о поэзии и законах художественного процесса, представленного в «Apologie for Poetry» Ф. Сидни.

Вдохновение уподобляется «Invention, Nature's child» (ребёнку Природы), естественность которого противопоставляется возникающему во второй половине строки образу «Studies» (Учения).

Испытанные другими поэтами чувства, получающие виртуозное воплощение в стихах предшественников (аллюзия на сонеты Фр. Петрарки), душат творческую энергию автора: «And others' feele still seem'd but stranges in my way».

Следует отметить появление в палитре используемых стилистических лексических приёмов иронии, благодаря которой она обогащается, становится ярче и красочнее:

«Biting my toward pen, beating my selfe for spite».

Созвучные синонимичные причастия biting и beating, используемые в «нанизываемых» звеньях из смысловых блоков, сочетаются с существительным, обозначающим одушевленный предмет pen и возвратного местоимения «my selfe».

Поэт испытывает душевные терзания, а выход из творческого тупика подсказывает ему Муза, образ которой появляется в последней строке и советом которой сонет заканчивается:

«Fool, said my Muse to me, looke in thy heart, and write».

Строка примечательна также отмечаемым в «Apologie for Poetry» допущением смешивать стили для достижения большего риторического эффекта.

В процессе создания стилистически оформленного произведения художественной словесности периода Ренессанса находят отражение особенности гуманистического стиля мышления. Стиль английской прозы и поэзии как представителя культуры Возрождения в художественном целом формируется под влиянием характерных универсальных характеристик, присущих культуре рассматриваемого временного периода, прежде всего varietà, и тесным образом связанного с ним imitatio, которому в английской возрожденческой культуре соответствует собственно английское понимание, обозначаемое термином decorum. В Англии, по примеру деятелей итальянской ренессансной гуманистической мысли, словесность и её теория тесным образом взаимосвязаны, что предполагает построение теоретического произведения по структуре поэтического. Образец подобного рода опыта в английской литературе представлен трактатом Ф. Сидни «Apologie for Poetry», в котором в изящном стиле излагаются положения собственно трактатов по литературе известных деятелей итальянской художественной мысли, сильное влияние которой ощущается во всех аспектах интеллектуальной и духовной жизни. Специфику английского Ренессанса составляет сочетание ан-

тичной, итальянской и национальной традиций. Проблема подражания решается путём создания английского эталона на национальном языке, которому следует сам создатель, а также и другие представители творческой поэтической среды.

Примечания

¹ Astrophel and Stella. URL: <http://www.luminarium.org/renascence-editions/stella.html>.

Список литературы

Аристотель. Поэтика. Риторика / пер. с др.-греч. В. Аппельрота, Н. Платоновой. СПб.: Азбука, Азбука Аттикус, 2013. 352 с.

Баткин Л.М. Леонардо да Винчи и особенности ренессансного творческого мышления. М.: Искусство, 1990. 415 с.

Баткин Л.М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М.: Наука, 1989. 272 с.

Баткин Л.М. Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления. М.: Наука, 1978. 199 с.

Борев Ю.Б. Художественный стиль, метод и направление // Теория литературных стилей. Современные аспекты изучения. М.: Наука, 1982. С. 76–90.

Козлова Н.П. Ранний Европейский классицизм // Литературные манифесты западно-европейских классицистов. М.: Из-во Моск. ун-та, 1980. С. 5–30.

Подгаецкая И.Ю. Поэтика Плеяды // Литература эпохи Возрождения и проблемы мировой литературы. М.: Наука, 1967. С. 316–370.

Сидни Ф. Защита Поэзии // Филип Сидни. Астрофил и Стелла. Защита Поэзии. М.: Наука, 1982. С. 326–254.

Сидни Ф. Астрофил и Стелла // Филип Сидни. Астрофил и Стелла. Защита Поэзии. М.: Наука, 1982. С. 7–325.

Степанова Л.Г. Из истории первых итальянских грамматик: неизданные заметки на полях трактата П. Бембо «Беседы о народном языке» (1525, кн. III). СПб.: Наука, 2005. 277 с.

Buxton J. Sir Philip Sidney and the Elizabethan Renaissance. London, Macmillan & CoLTD, N-Y, StMartin's Press, 1954, 284 p.

Levaio R. Renaissance Minds and their fictions. Berkely, Los Angeles, London, University of California Press, 1985, 446 p.

Muir K. Sir Philip Sidney. London, Longmans, Green & Co, 1960, 40 p.

Robinson F.G. The Shape Of Things Known. Sidney's Apology inits Philosophical Tradion. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 1972, 230 p.

Rudenstein N.L. Sidney's Poetic Development. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 1967, 313 p.

Sidney Ph. Apologie for Poetry <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A12224.0001.001/1:5?rgn=div1;view=fulltext> (дата обращения: 13.09. 2020).

Sidney Ph. Astrophel and Stella. URL: <https://www.luminarium.org/renascence-editions/stella.html> (дата обращения: 13.09. 2020).

References

Aristotel'. *Pojetika. Ritorika* [Poetics. Rhetoric], tr. from Old Greek by V. Appel'rot, N. Platonova. SPb., Azbuka Publ., Azbuka Attikus Publ., 2013, 352 p. (In Russ.)

Batkin L.M. *Leonardo da Vinchi i osobennosti renessansnogo tvorcheskogo myshlenija* [Leonardo da Vinchi and Peculiarities of the Renaissance Creative Thought]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1990, 415 p. (In Russ.)

Batkin L.M. *Ital'janskoe Vozrozhdenie v poiskah individual'nosti* [Italian Renaissance in Search of Individuality]. Moscow, Nauka Publ., 1989, 272 c.

Batkin L.M. *Ital'janskije gumanisty: stil' zhizni i stil' myshlenija* [Italian Humanists: Life Style and Thought Style]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 199 p. (In Russ.)

Borev Ju.B. *Hudozhestvennyj stil', metod i napravlenie. Teorija literaturnyh stilej. Sovremennye aspekty izuchenija* [The Belles-lettres Style, Method and Direction. Theory of Literary Styles]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 76–90. (In Russ.)

Kozlova N.P. *Rannij Evropejskij klassicizm. Literaturnye manifesty zapadno-evropejskih klassicistov* [The Beginnings of European Classicism. Literary Manifests of West-European Classicists]. Moscow, Moscow University Press, 1980, pp. 5–30.

(In Russ.)

Podgaetskaja I.Ju. *Pojetika Plejady. Literatura jepohi Vozrozhdenija i problemy mirovoj literatury* [La Pléiade Poetics. Renaissance Literature and the World Literature Issues]. Moscow, Nauka Publ., 1967, pp. 316–370. (In Russ.)

Sidni F. *Zashhita Pojezii. Filip Sidni. Astrofil i Stella. Zashhita Pojezii* [The First English Poetics. Astrofel and Stella. Apologie for Poetry]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 326–254. (In Russ.)

Sidni F. *Astrofil i Stella. Filip Sidni. Astrofil i Stella. Zashhita Pojezii* [The First English Poetics. Astrofel and Stella. Apologie for Poetry]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 7–325. (In Russ.)

Stepanova L.G. *Iz istorii pervyh ital'janskih grammatik: neizdannye zametki na poljah traktata P. Bembo «Besedy o narodnom jazyke» (1525, kn. III)* [Glimpses of the First Italian Grammar Treaties: Unpublished Notes on the Margins of P. Bembo Treaty «Talks about National Language» (1525, kn. III)]. SPb., Nauka Publ., 2005, 277 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 13.12.2020; одобрена после рецензирования 19.01.2021; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 13.12.2020; approved after reviewing 19.01.2021; accepted for publication 12.02.2021.